

The illustration depicts a poignant scene between an elderly man and a young boy. The man, on the right, is shown in profile, looking down at the boy. He has a weathered face and is wearing a dark, textured jacket. A large, dark, feathered wing is draped over his shoulder, extending towards the top of the frame. The boy, on the left, stands looking up at the man. He is wearing a simple, dark coat. The background is a vast, hazy landscape under a sunset or sunrise sky, with several birds in flight. The overall mood is somber and reflective.

Ильгиз Гиматов

Непути

Ильгиз Гиматов

Непути

«Автор»

2026

Гиматов И. И.

Непути / И. И. Гиматов — «Автор», 2026

Словно черная птица взаимной ненависти летала над этой семьей. Сын с раннего детства избивался и унижался отцом - пьяницей. В результате такого воспитания он превратился в жестокого и циничного человека. Лишь иногда в глубине души у него просыпалась и рвалась наружу тоска по отцовской любви. Пьяный угар их смывает в небытие за пределы жизни.

© Гиматов И. И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Закон бумеранга	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Непути

Закон бумеранга

– Папа! Я лю-ю-блю-у-у те-е-бя-а-а... – хриплый пьяный мужской голос раненой черной птицей трепещет и бьется у подъезда и не может подняться выше первого этажа. Да это и не надо.

Потому что, тот кому он предназначается – обнаженный по пояс пожилой мужик, таится за серыми от старости и пыли шторами кухонного окна первого этажа.

Похоже, в молодости он был крепким и статным. Но сейчас расплылся. Согбенные плечи нависают над выпирающим рыхлым животом.

У старика короткий седой ежик волос, недельная, тоже седая, щетина на лице. Второй подбородок висит обмякшим мешком. Взгляд из-под опухших век настороженный, с затаенной злобой.

Из приоткрытой форточки окна на улицу ползет тошнотворная смесь застоялых табачного и водочного перегаров, запахов подгорелого лука и пережаренного сала.

Испитый мужик, на адресованное ему крики, внешне, не реагирует.

Да и само это громкое надрывное признание в любви тридцатипятилетнего сына к семидесятипятилетнему отцу воспринимается всеми, кто его слышит, не нормальным. Но для соседей эта ненормальность стала привычной. Они, заслышав первый вскрик, плотнее закрывают окна и морщатся как от далекой зубной боли. И переглядываются. Будто спрашивают друг друга: «Что там происходит?». Но все прекрасно понимают и знают, что происходит.

Ладно бы восторженный мальчуган кричал эти слова своему папе...

А здесь... А здесь почти двухметровый пьяный амбал хрипит надрывно на весь квартал:

– Папа! Я лю-ю-блю-у-у те-е-бя –а-а...

Крик то приближается и становится громким, то удаляется и затихает.

Словно сбившаяся с курса черная раненная птица, мечется из последних сил вдоль старого пятиэтажного дома. И кричит от боли. И жалуется на что-то и угрожает кому-то. Одновременно.

Можно не видеть подранка, чтобы определить его цвет. Он черный. Потому что белые птицы не могут издавать таких тоскливых и таких страшных криков.

В детстве Самата пьяный отец бил за любую, на его отцовский взгляд, провинность.

Избивал жестоко до крови за двойки в школьном дневнике, за порванные на футболе кеды, за взятую без разрешения конфету со стола, за драки с дворовыми ребятами и грубость учителям, за то, что кричал и плакал, когда отец полосовал его ремнем или охаживал тем, что подвернется под руку.

Соседи часто слышали страшные ругательства самым грязным матом.

И слышали, как исходил визгом и криком истязаемый ребенок.

– Папа! Папочка! Прости папочка! Я больше не буду!

Саматик сам не мог объяснить себе и понять за что он просил прощение, и что он больше не будет...

Потом он перестал просить прощение. Перестал кричать.

И, сжав зубы, не плакал. В нем копились обида и злость.

Они стали лекарством от боли во время побоев.

Молчание сына бесило отца.

– Гаденыш! Проси прощения, щенок! Убью!

Однажды Самат был избит до кровавых соплей на рыбалке за то, что неровно насадил червяка на крючок отцовской удочки...

Бил его отец иногда и за просто так – за то, что не так взглянул, не так ответил или не ответил на вопрос, за то, что просто подвернулся под руку.

В пятом класса Самат две недели пролежал в больнице с сотрясением головного мозга – отец ударил его головой об стенку.

После этого у него стала часто болеть голова и случались неожиданные приступы злости. По любым пустякам. В такие моменты он становился психованным, ничего и никого не боялся – чуть что сразу кидался в драку.

Одноклассники старались не связываться с ним. Дали ему кличку «Псих». И пацаны во дворе шарахались от него.

В шестом классе его поставили на учет в милиции.

Тогда отца зазвали на заседание комиссии по делам несовершеннолетних.

После нее он избил Самата до полусмерти.

При этом рычал:

– На отца жаловался, гаденыш! Павлик Морозов недобитый! Убью!

А Самат не знал кто такой Павлик Морозов. Он никому не жаловался. Его никто и не спрашивал. Врачи сами сообщили куда следует.

А куда следует и не следовало сообщать. Потому что после комиссии отец бил особенно жестоко.

Боль была нестерпимой.

И одно понял тогда пацан – не надо обращаться, что бы не случилось, к врачам, милиционерам и в разные комиссии. Надо терпеть и набираться сил, чтобы когда-нибудь дать отпор. И отомстить.

Неделю Самат харкал кровью.

Когда оклемался, взял огромный кухонный нож и приставил его к горлу пьяного отца, лежащего на диване перед телевизором:

– Убью, гад! Зарежу, когда будешь в отрубе! Попробуй только еще раз ударить...

Отец замер под острием ножа.

Выдавил, захлебываясь злостью:

– Ты это, щенок?.. Ты не балуй с ножиком-то...

С той поры отец стал опасаться сына.

Но издеваться не перестал.

.

В шестнадцать лет Самат бросил школу. Просто перестал ходить туда.

Правдами и неправдами выучился на шофера от военкомата.

Когда обмывали водительские права, сначала ужрались водки до полусмерти, а потом также до полусмерти дрались.

Переломали всю скудную мебель на кухне. Забрызгали кровью пол и стены.

Но отец опять оказался сильнее. На пинках вынес Самата в подъезд.

– Щенок! На кого руку поднял? Убью!

Синяки и ушибы Самат залечивал у бабушки – у матери своей мамы в старой части города.

Бабушка, обрабатывая зеленкой его раны на лице, горестно вздыхала.

– И когда этот зверь свою погибель найдет. Никак не успокоится. Все думает, что ты не от него родился. Хотя лицом и характером ты весь в него.

Зеленка обжигала раны. Самат морщился.

– Почему он думает, что я не его сын? Говори... Я уже взрослый.

– Вот вбил себе в голову. Не выбьешь. Он в перестроечные времена часто ездил в командировку – на день, на два. Они с мужиками закупали коров и бычков где-то в Оренбурге на границе с Казахстаном. Здесь их резали на мясо....

Не разбогател, но пить научился. И ревность его тогда обуяла. Или люди что наговорили...

С самого твоего рождения кричал: не мой! А потом совсем запил. А водка разума не прибавляет... Особенно если его нет.

– Я его убью... Если маму обидит.

– Страшнее для женщины обиды нет. Чем подозрения и ревность на пустом месте...

– Я убью его!

– И тогда тебя посадят. И твоя мама это не переживет. И – я... Об одном прошу тебя, Саматик – не пей эту проклятую водку. Не становись таким, как твой отец.

В армию Самата не взяли.

Не прошел медицинскую комиссию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.